

Н.А. Ширинкина

Пермский государственный институт культуры
ул. Газеты «Звезда», 18, Пермь, 614000
E-mail: Zgll.ru@mail.ru

КАК «СОТИК» ЗДОРОВЬЮ ВРЕДИТ: ПЕНСИОНЕРЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Рассмотрены коллективные социальные страхи пенсионеров провинциальных городов Пермского края (Урал), связанные с потребительскими практиками. Дан анализ различных методологических подходов к изучению страхов российского общества. На основании материалов проведенного исследования представлена классификация потребительских страхов. Страхи, связанные с практиками использования новой техники и технологий, многослойны и берут начало из прошлого опыта пенсионеров. Страхи выражают укорененные установки и стереотипы в отношении всего нового и чужого.

Ключевые слова: *потребительские практики, социальный страх, люди третьего возраста, культурная травма, цифровые технологии, бытовая техника.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-176-180

Научным исследованием страхов, сопряженных с общественной стороной жизни человека, занимаются представители разных дисциплин. Внимание социологов направлено на изучение процессов формирования, распространения и функционирования страхов среди индивидов и групп. Существуют разные взгляды на их природу и способы изучения.

В. Шляпентох отмечает, что страх является постоянной компонентой социальной жизни, «необходимым условием нормального функционирования сообществ» [Матвеева, Шляпентох, 2000, с. 47]. П. Штомпка рассматривал страх как главную эмоцию, сопровождающую переживание культурной травмы. Страх возникает как реакция на новые социальные явления, чуждые практики, незнакомые жизненные ситуации. Не только индивид испытывает этот страх, но и все общество ощущает его в своей повседневной жизни. Подобный страх заставляет людей искать убежище от травматичного опыта, и тогда предпринимается попытка удержать остатки прошлого в личной и культурной памяти, ностальгических переживаниях, в вещах из «ушедшей эпохи» [Штомпка, 2001, с. 9–10, 15].

Обращение к понятиям культурного раскола, противоречия старых и новых смыслов имеет для нашего исследования методологическое значение. Очевидно, что состояние, в котором оказались россияне после распада СССР, обусловило появление новых социальных страхов. Значительная часть людей, чей социально активный возраст пришелся на советское время, сегодня составляют и пополняют группы пожилых людей и пенсионеров. Именно эти группы испытывают на себе наибольшее давление опыта прошлой жизни, с одной стороны, и опыта новой жизни, кардинально иной по своим базовым социальным характеристикам, институциональным условиям и нормативным требованиям, — с другой. Страхи, которые стали элементом повседневности людей третьего возраста, могут быть поняты через призму социокультурной динамики российского общества. Не случайно Л. Гудков предлагает рассматривать социальные страхи как самостоятельный социокультурный феномен, связанный с существующими институтами, традициями, социальными и культурными практиками. Он прямо говорит, что «специфические страхи (как часть культуры) могут рассматриваться в качестве симптома постоянной консервативной блокировки институциональных изменений» [Гудков, 1999, с. 53].

В качестве объекта нашего исследования выступают пожилые люди, или люди третьего возраста. В данном случае интерес к ним связан в первую очередь с тем, что их жизнь можно условно разделить на два периода — до распада СССР и после. В социально активном возрасте эти люди находились в периоды «застоя» и перестройки. Они пережили «шоковую терапию», смену политического режима, адаптацию к новым условиям жизни в пореформенной России. В свои зрелые, «предпенсионные» годы они вынужденно столкнулись с последствиями активного вторжения цифровых технологий в повседневность. Им пришлось и приходится осваивать новые технологии, и для многих, как будет показано далее, это шокирующий опыт.

С выходом на пенсию люди третьего возраста оказываются в ситуации, когда прежние стереотипы мышления и модели поведения теряют свою актуальность. Раньше они опирались на правила поведения, мышления и оценок из своего ближайшего окружения, чаще всего трудового коллектива. Там они узнавали, *что* можно, а *что* под запретом, как относиться к явлениям окружающего мира, как действовать, чтобы оставаться членом единого сообщества. Именно окружающие поддерживали определенную шкалу оценок, демонстрировали, *что* говорить, *что* думать, как чувствовать и, что самое существенное для нашего исследования, задавали рамки поведения, координатную сетку для повседневных практик. Копирование и воспроизводство упрощенных, схематизированных и в то же время проверенных, опробованных авторитетными членами группы, алгоритмов мышления и поведения обеспечивали прочную связь с той самой группой, с которой человек себя идентифицировал. И вот наступает момент, когда по независящим от него причинам — выход на пенсию — он оказывается лишен привычного окружения, «социального кокона», в котором пребывал до недавнего времени. Источники информации оскудели, свободное время увеличилось, просмотры телепередач стали наиболее доступным способом ежедневного досуга. Таким образом происходит смена социокультурного статуса, переход индивида в новую для себя группу — группу людей «третьего возраста»¹.

Сфокусированное внимание к практикам потребления и сопровождающим их эмоциям позволит нам понять, *что* происходит с пожилым человеком, как он воспринимает мир, *какие* социальные технологии он осваивает, как осмысливает информацию, поступающую к нему извне. Для того чтобы изучить потребительские страхи людей третьего возраста (цель), необходимо последовательно решить ряд задач. Прежде всего, обнаружить страхи, затем описать и классифицировать их и, далее, высказать предположения о природе их происхождения. Хронологические рамки проведенного исследования² — с ноября 2017 г. по май 2019 г. Основной метод сбора информации — полуструктурированное интервью [Квале, 2003, с. 128]. Качественный метод исследования был выбран как наиболее адекватный для выявления индивидуальных аспектов социального бытия пенсионеров, их жизненного опыта в конкретных сложившихся обстоятельствах. Полученный в ходе исследования нарратив позволяет описать конкретные практики, опыт, настроения, субъективные переживания пенсионеров Пермского края (города Пермь, Кунгур). Данные, полученные в ходе исследования, не являются репрезентативными. Отказ от широты охвата компенсируется «глубиной» исследования, т.е. детальным изучением социального явления в его целостности и непосредственной взаимосвязи с другими явлениями [Белановский, 2001, с. 3].

Был разработан соответствующий инструмент исследования — гайд-лист — для выявления страхов, сопровождающих потребительские практики людей третьего возраста. Формируя выборку, мы учитывали гендерный аспект: из 24 респондентов³ — 11 мужчин в возрасте от 60 до 80 лет, 13 женщин в возрасте от 60 до 75 лет. Средняя продолжительность беседы составляла от 1,5 до 2 часов. Основанием для прекращения сбора интервью явилось информационное насыщение, т.е. отсутствие приращения значимой информации. В ходе исследования автором были обнаружены многочисленные повторения в оценках, суждениях, мнениях респондентов, что, с точки зрения С. Квале, позволяет нам признать интервью валидными, не нуждающимися в количественном расширении.

Материалы проведенного исследования позволяют говорить, что тревогу, волнение и страх у представителей третьего возраста вызывают новые платежные инструменты, новые технические средства, распространившиеся в быту. Теперь пенсионеры массово сталкиваются с необходимостью активно пользоваться банковскими карточками, банкоматами и терминалами (на карту «МИР» от Сбербанка им перечисляют пенсию). Опыт общения с бухгалтерией, платежными ведомостями, стояния в очереди за зарплатой, так хорошо освоенный в предыдущий жизненный период, внезапно оказался не востребован. Исчезла регулирующая и цементирующая роль очереди, а сама очередь переместилась в электронное пространство (регистраторы, талончики). Появилось множество электронных приборов и устройств, призванных облегчить и

¹ К третьему возрасту мы будем относить людей, которые вышли на пенсию, оставили сферу профессиональной деятельности и изменили образ жизни в силу ограничений, связанных с новыми условиями жизни [Безрукова, 2000, с. 558].

² Объект исследования — люди третьего возраста (пенсионеры). Предмет исследования — потребительские практики пенсионеров Пермского края (города Пермь, Кунгур). Цель исследования — изучить потребительские практики пенсионеров Пермского края (г. Пермь, г. Кунгур) и страхи, связанные с ними.

³ Среди информантов 6 чел. с высшим образованием, 12 чел. со средним образованием, 6 чел. с начальным образованием. Место жительства респондентов — г. Кунгур (16 чел.), г. Пермь (8 чел.).

улучшить повседневную жизнь. Теперь нужно действовать одному, самостоятельно принимать решения и ориентироваться в новом техническом и технологическом пространстве. У пожилых людей это вызывает боязнь и страх, которые находят выражения в отсылках к своему прежнему опыту, прошлой — во всем понятной и удобной — жизни.

«Просто я привыкла, чтобы так было... я старой закалки человек» (Ж., 66 л., в. обр., г. Пермь).

«Не могу заснуть и думаю — вот в советское время, ладно там, квартиры давали, кто хорошо работал. А сейчас посмотрите, ипотеку ты возьмешь, это такие деньги надо, а где взять эти деньги» (Ж., 64 г., в. обр., г. Кунгур).

«В советское время, при том, что мы получали немного денег, и с детьми ездили на юг каждый год, и в санаторий, и на курорт ездили. Каждый год куда-нибудь, каждый год куда-нибудь, и причем не копили денег!» (Ж., 75 л., в. обр., г. Пермь).

«Нормально жили в советское время, только его вспомним, вот в советское время как при коммунизме жили, потому что все было доступно и в магазинах все натуральное было, все это ели, и потом ездили везде» (Ж., 75 л., в. обр., г. Пермь).

Опыт «советского времени» продолжает выполнять нормативную функцию по отношению к новому, современному опыту социальной жизни. Респонденты пользуются памятью прошлого как зеркалом, заглядывая в которое можно обнаружить неприятные расхождения с настоящим, отклонения от опыта прошлых лет.

Обезличенные деньги

Банковские карты, новые платежные инструменты, которые обезличивают деньги и денежные отношения, являются отдельным источником страхов для пенсионеров. Вполне обоснованные опасения в сознании пожилых людей превращаются в необоснованные, преувеличенные угрозы.

«Заранее могу сказать, что карта — это надувательство. Карты скоро могут так обезличить, что вы даже не заметите. Денежка — это денежка. А карта — это бумага, которую могут в любой момент... Во-первых, ее можно и потерять. И кто восполнит?» (М., 79 л., в. обр., г. Пермь)

«Воровства там. Подделывают и воруют. Документы не спрашивают. Кто ты такой? Карту-то украл, и пожалуйста, иди рассчитывайся». (М., 80 л., нач. обр., г. Кунгур).

«Ну сейчас, как говорится, время мошенников. А карты привязаны так, что очень много мошенников в этой области. Они всяко подлазят тебе в карман» (М., 66 л., в. обр., г. Пермь).

«Я вот так подумал, что если вся моя наличность будет на карте, то в одно время ее могут срубить. Потому что сейчас этих всех ужас сколько» (М., 65 л., ср. обр., г. Кунгур).

Респонденты открыто высказываются о своей незащищенности перед современным бытом, который навязывает им новые платежные инструменты. Деньги должны быть «телесными». Они никак не увязываются в сознании пожилого человека с маленьким, обезличенным куском пластика. Подобного рода волшебство перевоплощения денег в банковскую карту сначала рождает страх перед исчезновением телесных денег, а затем заставляет задуматься о надежности такого перевоплощения. Ведь если деньги теперь хранятся не в кошельке, под подушкой, в шкафу, а в виртуальном пространстве, то кто теперь отвечает за их сохранность? Этот вопрос очень тревожит пенсионеров.

Некоторые респонденты убеждены, что банковская карта может даже стоить жизни и пользоваться ей опасно:

«В Усть-Турке один двух пенсионеров за 200 рублей убил. Вот за 200 рублей двух убил. А тут за карту можно запросто...» (М., 80 л., нач. обр., г. Кунгур).

Очевидно, что боязнь потерять деньги, стать жертвой мошенников связана с общими тревожными настроениями, неопределенностью социальных перспектив, слабой социальной защищенностью, дефицитом безопасности и уверенности в том, что в трудную минуту кто-то придет на помощь, окажет необходимую поддержку. Эти страхи также накладываются на опыт «выживания» в годы экономических реформ, обернувшихся потерей денежных накоплений и нищетой для основной массы населения страны.

«Опасные и вредные» гаджеты

Кроме необходимости освоения новых платежных инструментов представители третьего возраста сталкиваются с нарастанием роли современных гаджетов, электронных устройств в повседневной жизни. Ускорение темпов технического прогресса заставляет пенсионеров заменять новые средства старыми, привычными, отдавать предпочтение проверенным способам взаимодействия с внешним миром. Интересно отметить тот факт, что многие представители третьего возраста про-

Как «сотик» здоровью вредит: пенсионеры Пермского края и новые технологии...

должают пользоваться стационарными средствами связи. Мобильные телефоны, которые устроены по-другому, функционируют без проводов, вызывают тревогу и озабоченность.

«Я как пользователь, я сотик приобрел только под давлением. Если вы разговариваете по сотику больше 3,5 минут, ваш мозжечок разогревается до 39,5 градусов. Эти сведения, в интернете все есть. Но почему-то люди не обращают внимание. А потом говорят: голова болит, и так далее. Вплоть до несварения желудка» (М., 79 л., в. обр., г. Пермь).

В среде пенсионеров часто можно встретить миф о том, что микроволновые печи были запрещены в СССР и данный запрет был снят только в начале 1990-х. Все это объясняется тем, что в СССР знали про вред СВЧ-печей, поэтому решили оградить своих граждан от вредного воздействия микроволнового излучения и обработанной им пищи. Микроволновая печь и теперь вызывает фобии у представителей третьего возраста. Их появление и массовое распространение, по мнению респондентов, заставило исчезнуть всех тараканов, борьба с которыми ранее вызывала немало проблем и усилий.

«Вот микроволновка. Она у меня стоит. Потому что щас уже пошли новые веяния, что это вредно. И фактически она у меня стоит на окне. Я ей не пользуюсь. Че чего, вот, на сковородке подогрел там, и всё». (Ж., 75 л, ср. обр., г. Пермь).

«Тараканы. Они ведь вон какие живучие были! А потом раз и пропали куда-то. Это как? Тараканов эта вся техника истребила. А мы чем хуже?» (М., 80 л., ср. обр., г. Кунгур).

К списку бытовой техники, вызывающей опасения у старшего поколения, можно добавить другие приборы и приспособления, которые вытеснили из повседневного обихода множество привычных подручных инструментов.

«Мясорубку я нашу предпочитаю, механическую. Мне че-то как-то была одна, ну, вот эти новые-то импортные, они хорошие. А мне че-то, не знаю, какая-то попалась. И вот там, вкус мяса не тот уже вроде мне показался» (Ж., 75 л., ср. обр., г. Пермь).

Большинство информантов никогда не пользовались интернетом в повседневной жизни. Сотовые телефоны и смартфоны обросли слухами о пугающих фактах негативного влияния на организм человека, поэтому значительное число информантов отказываются от их приобретения и использования. «Вредным и опасным» устройствам они предпочитают традиционные способы ведения домашнего хозяйства.

Рационализация страхов осуществляется при помощи средств массовой информации, в частности телевидения. Новые знания и представления о современном «пугающем» мире опираются на авторитет профессионалов (эксперты и специалисты из разных областей). Телевизионные программы, призванные раскрыть всю правду о современных гаджетах, используют фактологию, которой приписывается научное происхождение.

Главное, что показало наше исследование, это многослойная природа страхов людей третьего возраста. Пенсионеры боятся не только новой техники и технологий, но также ложной информации о них. Агрессивный маркетинг, реклама, дистрибьютеры дорогих товаров (пылесос за 150 тыс. руб., многофункциональные машины за 90 тыс. руб.) пугают информантов и вызывают недоверие к магазинам и продавцам, к институтам, призванным контролировать и защищать их права. Кроме того, потребительские страхи выражают глубоко укорененные установки и стереотипы в отношении всего нового и чужого. Страхи перед новыми социальными условиями и нормами, в том числе рыночными механизмами производства и распределения благ, перед чуждыми формами и символами общественной и культурной жизни, страхи перед обновлением как таковым находят свое продолжение в целом «букете» конкретных бытовых и потребительских страхов.

Однако рассуждать таким образом, что все пенсионеры одинаковы в своих установках и моделях поведения, было бы большим преувеличением. Новая техника и технологии все больше укореняются в повседневной жизни старшего поколения. Часть из них продолжает бороться с ними, категорически отказываясь от банковских карт, бытовой техники, технологических новинок. Часть респондентов приняла новую реальность, оформили карты с целью получения пенсии, изучают и используют банкоматы, но не хранят свои сбережения на карте, предпочитая снимать всю сумму, чтобы избежать неоправданных рисков. И малая доля участников исследования живет в ногу со временем, пользуется банковскими картами, оформляет на них кредитные лимиты и открывает банковские вклады для получения дивидендов. Кроме того, эта группа начала осваивать современную дорогостоящую бытовую технику. Но кто они, эти пенсионеры? Чем они отличаются от остальных? Каковы их социальные черты? Что помогло им адаптироваться к новым социальным условиям? На эти вопросы нам предстоит ответить в дальнейшем исследовании.

- Безрукова В.С. Основы духовной культуры: (Энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. 620 с.
- Белановский С.А. Глубокое интервью: Учеб. пособие. М.: Никколо-Медиа, 2001. 320 с.
- Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 6 (44). С. 46–53.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
- Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 179 с.
- Штомпка П. Социальные изменения как травма: (Статья первая) // Социологические исследования. № 1. 2001. С. 6–16.

N.A. Shirinkina

Perm State Institute of Culture

Gazety «Zvezda» st., 18, Perm, 614000, Russian Federation

E-mail: Zgll.ru@mail.ru

SENIOR CITIZENS OF THE PERM TERRITORY AND FEARS ASSOCIATED WITH NEW TECHNOLOGIES

The present article covers the formation and functioning of socio-cultural fears that have developed among pensioners from the provincial towns of the Perm Territory (Urals). Fears are considered as stable forms of understanding the current social reality. This reality becomes relevant to people whose habitual way of life (work-life balance) has abruptly changed. The author provides an analysis of various methodological approaches to studying fears in the Russian society. In particular, P. Shtompka considered fear to be the primary emotion accompanying cultural trauma. Reference to the concepts of cultural divide, contradiction of old and new meanings is of methodological importance for this study. The empirical study employed a qualitative approach, with semi-structured focused one-to-one interview being chosen as the research method. The empirical base of the study consists of 22 interviews with the senior citizens of Perm and Kungur (Perm Territory). The selection of informants was carried out in 2018–2019 using the snowball method to form the sample population. Using materials of the interview, consumer fears were grouped according to their causes: 1. credit practices and banking products; 2. growing role of modern technologies in everyday life and its consequences; 3. food. The author makes a suggestion about the causes of fears shared by the third generation. Senior citizens are afraid of new payment methods, payment terminals, queue management systems, mobile devices and household appliances. Fears associated with the use of new devices and technologies are complex. Senior citizens are afraid not only of new devices and technologies but also of the unreliability of information about them. The fears are rationalised with the help of the media, in particular, television, where the fears are supported by authority figures (scientists, doctors). Consumer fears stem from a fixed mindset and deep-rooted stereotypes in relation to everything new and alien. The fear of new social conditions and norms finds its continuation in a wide range of specific household and consumer fears.

Key words: consumer practices, social fear, people of the third age, cultural trauma, digital technologies, household appliances.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-176-180

REFERENCES

- Belanovskiy S.A. (2001). *In-Depth interview: Textbook*. Moscow: Nikkolo-Media. (Rus.).
- Bezrukova V.S. (2000). *Fundamentals of spiritual culture: (Encyclopedic dictionary of the teacher)*. Ekaterinburg. (Rus.).
- Gudkov L. (1999). Fear as a frame of understanding what is happening. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 6(44), 46–53. (Rus.).
- Kvale S. (2003). *Research interview*. Moscow: Smysl. (Rus.).
- Matveeva S.Y., Shlyapentokh V.E. (2000). *Fears in Russia in the past and present*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (Rus.).
- Sztompka P. (2001). Social change as trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 6–16. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 21.03.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019